

ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ,
БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН

THE INSTITUTE OF MONGOLIAN
BUDDIST AND TIBETAN STUDIES SD RAS

ХУННУ:
АРХЕОЛОГИЯ,
ПРОИСХОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ,
ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

XIONGNU: ARCHAEOLOGY,
ORIGIN OF CULTURE,
ETHNICAL HISTORY

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2011

Ulan-Ude
Buryat Science Center SD RAS Publishers
2011

Литература

- Акишев А. К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука, 1984.
- Акишев К. А., Акишев А. К. Искусство саков Семиречья // Сквозь века. – М.: Изд-во «Знание», 1986.
- Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980.
- Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. – 1971. – № 1.
- Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. – Т. 1. Иволгинское городище. – СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995.
- Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. – Т. 2. Иволгинский могильник. – СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1996.
- Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. – СПб.: Фонд «АзиатИКА», 2003.
- Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998.
- Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. // САИ. Д 4–7. – М.: Наука, 1980.
- Килуновская М. Е. Интерпретация образа оленя в скифо-сибирском искусстве (по материалам петроглифов и оленных камней) // Скифо-сибирский мир. – Новосибирск: Наука, 1987.
- Кузьмина Е. Е. Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве «звериного» стиля евразийских степей скифской эпохи // Скифо-сибирский мир. – Новосибирск: Наука, 1987.
- Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976.
- Коновалов П. Б. К коллекции хуннских бронз // СА. – 1982. – № 4.
- Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979.
- Мартынов А. И. О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир. – Новосибирск: Наука, 1987.
- Мартынов А. И., Алексеев В. П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1986.
- Миняев С. С. Дырестуйский могильник. – СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1998.
- Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. – 2007. – № 1.
- Окладников А. П. Олень – золотые рога. – М., 1964.
- Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

ИМПЕРАТОР КИТАЯ В ХАКАССКОЙ СТЕПИ

А. А. Ковалев
НИИ комплексных социальных исследований
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург

Дворцовое здание с китайской черепицей, руины которого были исследованы археологами в 1940–1946 гг. недалеко от Абакана, до сих пор не получило общепринятой атрибуции. Для этого уникального памятника не нашлось еще надлежащего места в кругу источников этнополитической истории Восточной и Центральной Азии. Автор настоящей статьи еще в 2005 г. в Минусинске, на конференции в честь 100-летия С. В. Киселева, обнаружил новую гипотезу о принадлежности «дворца», а в 2007 г. на конференции «Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования» сделал более подробное сообщение [Ковалев, 2007]. Хотя эта публикация в некоторых аспектах носит поверхностный характер, а ряд положений изложен слишком конспективно, острота не прекращающейся полвека дискуссии вокруг атрибуции и датировки сооружения, а также необходимость привлечения не известных российским специалистам китайских источников настоятельно требуют развернутого критического исследования.

Как было очевидно авторам раскопок, определить истинное значение «Ташебинского дворца», выходящее далеко за рамки внутренней проблематики хуннской державы, возможно только лишь при условии всестороннего изучения надписи, многократно повторенной на обнаруженных здесь черепичных дисках (рис. 1).

Рис. 1. Черепичные диски с крыши Ташебинского дворца [по: Вайнштейн, Крюков 1976, рис. 4]

С этой целью они обратились к специалисту-синологу, академику В. М. Алексееву, который отнес черепицу к эпохе правления династии Хань и, как передают нам в своих публикациях археологи, перевел надпись на ней таким образом: «Сыну неба (т. е. императору) 10000 лет мира, [а той, которой (т. е. императрице) мы желаем] 1000 осеней радости без горя» [Евтюхова, Левашева, 1946, с. 77; Киселев, 1951, с. 479; Кызласов, 2001, с. 72]. Странности этого перевода долгое время не были предметом рассмотрения синологов, тем не менее он прочно закрепился в русскоязычной литературе. Даже в статье С. И. Вайнштейна и М. В. Крюкова, о которой речь пойдет ниже, авторы, впервые представившие советскому читателю иной перевод («Сыну неба тысячу осеней, десять тысяч лет вечной радости без горя»), обошли молчанием позицию академика В. М. Алексеева и не привели аналогий употребленным на черепице формулам из четырех иероглифов, ограничившись ссылками на двухчастные конструкции [1976, с. 145]. Такую же группировку иероглифов *цянь цю* и *вань суй* мы видим и в широко известной монографии [Крюков и др., 1983, с. 271]. Это дало возможность Л. Р. Кызласову, опираясь на авторитет В. М. Алексеева, отстаивать первоначальный перевод [2001, с. 107; 2006, с. 215]. «Ни по-русски, ни по-китайски нельзя в одной и той же фразе желать одному и тому же лицу одновременно то одну тысячу осеней, то уже десять тысяч лет «вечной радости без горя», – восклицает Л. Р. Кызласов, опровергая с точки зрения здравого смысла трактовку из статьи Вайнштейна и Крюкова.

К сожалению, никто из специалистов не ответил на эти рассуждения, растиражированные в широко известных ныне монографиях, изданных в том числе под грифом МГУ. В этой связи необходимо, наконец, поставить точку в вопросе о переводе надписи. В первую очередь нужно указать, что не существующие в надписи слова «[а той, которой мы желаем]» не имеют права на появление в тексте. Попытка В. М. Алексеева вставить их в свой перевод не объяснена и не может быть обоснована. Нет никаких аналогий в иных текстах ханьского времени, и нет никаких комментариев более позднего времени к ханьским благопожеланиям. Кроме того, иероглиф *чан* невозможно перевести словом «мир»: в контексте письменных источников ханьской эпохи он обозначает «постоянство», «стабильность», «про-

должительность», но никак не «умиротворение» [Гу хань ю да цы-дянь, 2001, с. 1994].

Далее следует отметить, что В. М. Алексеев переводил отрезки надписи по часовой стрелке: сначала верхние иероглифы *тянь цзы* (сын неба), затем знаки с правой стороны *вань суй чан* (10000 лет мира), далее нижние знаки *цянь цю* (1000 осеней) и, наконец, иероглифы с левой стороны *лэ вэй ян* (радости без горя). Это был неправильный подход, поскольку в надписи содержатся две формульные фразы благопожелания: «цянь цю вань суй» (1000 осеней, 10000 лет) и «чан лэ вэй ян» (долгой радости без горя). Эти фразы (в том числе подряд в одном предложении) тысячекратно повторены в надписях ханьского времени на зеркалах, иных предметах обихода и собственно черепице, что не позволяет иным образом структурировать надпись на ташебинских дисках. Отрезки ташебинской надписи поэтому должны прочитываться сначала сверху вниз («тай цзы» «цянь цю...»), затем справа налево («...вань суй, чан...» «...лэ вэй ян»). Употребление сконструированных В. М. Алексеевым фраз «цянь цю лэ вэй ян» и «вань суй чан» в китайских источниках не зафиксировано вообще. Напротив, фраза «цянь цю вань суй» зафиксирована не только в эпиграфике, но и в достаточно ранних нарративных источниках. Она использована в разделе 50 «Прославленные учения» философской книги доханьского времени «Хань Фэй-цзы» [Хань Фэй-цзы цзи ши, 1974, т. 2, с. 1102] в качестве примера обыкновенного пожелания долголетия: «Now, witches and priests, in praying for somebody, all say, 'May your age last as long as one thousand autumns and ten thousand years'. Then the sounds, 'one thousand autumns and ten thousand years', echo through the ears...» (Сегодня чародеи и священники в молении за кого-либо, все говорят: «Да будут ваши годы длиться, как тысяча осеней и десять тысяч лет». И звуки (слов. – А. К.) «тысяча осеней и десять тысяч лет» отдаются в ушах...») (буквальный перевод У. К. Ляо [по: Хань Фэй-цзы, с. 308]; ср. художественный перевод Е. П. Синицына [Древнекитайская философия, 1990, с. 224]: «Ныне гадалишки прорицают людям: 'Дам тебе возможность жить тысячи и десятки тысяч лет'. Разговоры о тысячах и десятках тысяч лет пленяют слух...») В главе 58 «Наследственный дом лянского Сяо-вана» раннеханьского исторического труда «Ши цзи» [1996, т. 6, с. 2090] та же фраза «цянь цю вань суй» употреблена в эвфемизме, обозначающем момент смерти: «Цзин-ди и ван свиде-

лись на пиршестве, пили при том что тай-хоу подавала им [напитки], Цзин-ди сказал: «По завершении «тысячи осеней и десяти тысяч лет» передам [престол] вану» (ср. художественный перевод Р. В. Вяткина: «После завершения моих лет я хотел бы передать престол тебе, князь» [Сыма Цянь, 1992, с. 252]).

Удивительно, что такой крупный специалист по китайской литературе, как В. М. Алексеев, проигнорировал вышеприведенные цитаты. Но еще более странно, что в 1940 г. для анализа благожелательной надписи на черепице он не привлек специальные труды по ханьской эпиграфике. А ведь к тому времени были опубликованы фундаментальные работы Бернхарда Карлгрена о надписях на зеркалах [Karlgrén, 1934], а также Альфреда Форке о надписях на собственно черепичных дисках [Forke, 1899]. Эти труды получили широкую известность и были вполне доступны советским ученым (хотя бы в библиотеках Москвы и Ленинграда). В своей статье 1899 г. А. Форке дает подробный обзор надписей на ханьской черепице, используя своды эстампажей, изданных в цинском Китае. В частности, им приведены и черепичные диски с формульными изречениями, использованными на ташебинской черепице. Для надписи «чан лэ вэй ян» Форке дает перевод «Dauernde Freude ohne Aufhören» (Длительное счастье без прекращения) [Forke, 1899, s. 66], а для надписи «цянь цю вань суй» — «Tausend Herbste und zehntausend Jahre» (Тысяча осеней и десять тысяч лет) [Ibid, s. 72].

В 1957 г. к проблеме надписи на ташебинской черепице обратил ся видный китайский историк и палеограф Чжоу Лянькуань [1956, с. 60–62]. В своей статье, специально посвященной «обнаруженному в Южной Сибири дворцу китайского типа», он впервые обратил внимание на редкую особенность российской находки: в формуле «чан лэ вэй ян» вместо обычного иероглифа *чан* (долгий, длительный) применен синоним *чан* (постоянный, стабильный). Такие надписи китайский ученый датировал эпохой династии Синь (9–23 г. н. э.), учрежденной узурпатором императорского трона Ван Маном. Чжоу Лянькуань опирался на сообщение главы 99 «Хань шу» о том, что с первых же дней своего правления в ходе широкой кампании по переименованиям Ван Ман повелел заменить таким образом иероглифы *чан* в названии императорского дворца Чанлэ и в имени столицы империи города Ханьань [Хань шу, 1997, с. 4103; см.: The History of the Former

Han Dynasty, 1955, p. 271]. Обосновывая свое мнение о тотальном изменении написания фразы «чанлэ» в наименованиях учреждений, общественных строений и титулатуре, Чжоу Лянькуань привел ряд соответствующих надписей на датированных лаковых и бронзовых предметах. В соответствии со своей датировкой (в пользу которой были выдвинуты и иные аргументы), ученый выдвинул предположение о принадлежности Ташебинского дворца «старшей дочери Ван Чжао-цзюнь Сюйбу» [1956, с. 67–68]. Китайка Ван Чжао-цзюнь была выдана замуж за шаньюя Хуханье, после его смерти, по правилам левирата, стала женой шаньюя Фучжулэя; от второго брака имела двух дочерей «по имени Юнь»: старшую Сюйбу цзюйцы и младшую Данию цзюйцы; старшая, пробыв несколько лет при дворе китайского императора, вышла за знатного хунна Сюйбу Дана, в пору правления Ван Мана вместе с мужем они были лидерами «прокитайской партии» среди сюнну (о Ван Чжаоцзюнь и ее детях говорится в главе 94Б «Хань шу») [Таскин, 1973, с. 39–63].

В 1963 г. вышла обобщающая статья о черепичных дисках периодов Цинь и Хань, принадлежащая Чэнь Чжи. В этой работе автор по вышеуказанной причине датирует все надписи с замененным иероглифом *чан* периодом правления Ван Мана, в том числе «чан шэн у цзи» (долгой жизни без предела), «янь шоу вань суй чан ю тянь цзю чан» (долголетия, десяти тысяч лет, продолжительных, как небо долговечных), а также рассматриваемую надпись из развалин Ташебинского дворца [1963, с. 27]. При этом он обращает внимание на то обстоятельство, что иероглифы *тянь цзы* (сын неба), кроме как на ташебинской черепице нигде более не встречались.

В 1976 г. идеи китайских ученых по поводу датировки и атрибуции Ташебинского дворца были изложены по-русски в статье С. И. Вайнштейна и М. В. Крюкова [1976]. Без ссылки на Чжоу Лянькуаня и Чэнь Чжи советские ученые пересказали их палеографическую аргументацию [Там же, с. 145–146], а затем, не упоминая в соответствующем контексте имени Чжоу Лянькуаня, изложили от своего имени его вывод о принадлежности дворца старшей дочери Ван Чжао-цзюнь [Там же, с. 149]. Интересно, что С. И. Вайнштейн и М. В. Крюков в статье, заимствуя идею Чжоу Лянькуаня, использовали не имя старшей дочери Ван Чжао-цзюнь (Юнь) и не прозвище, под которыми она выведена в статье Чжоу Лянькуаня (Сюйбу цзюйцы), а

другое ее прозвище – Имо [цзюйцы] [С. И. Вайнштейн и М. В. Крюков, 1976, с. 149]. Это привело к путанице в работах Л. Р. Кызласова, который, видимо, подумал, что речь идет о разных женщинах, и отдельно критикует якобы различные гипотезы из каждой статьи [2001, с. 113–114; 2006, с. 217–218]. Следует исправить еще одно недоразумение, связанное со статьей 1976 г. Выше уже говорилось о переводе надписи на черепице, предложенном М. В. Крюковым: «Сыну неба тысячу осеней и десять тысяч лет вечной радости без горя» [Там же, 1976, с. 145]. Никто из специалистов не проверял достоверность этого перевода, он часто цитируется, в том числе, к сожалению, и в моей работе [Ковалев, 2007, с. 145]. Однако, как выяснилось, М. В. Крюков неправильно перевел последний иероглиф – *ян*. Значения «горе» этот иероглиф никогда не имел и в указанном контексте смысл его – «предел», «исчерпание»; соответственно сочетание «чан лэ вэй ян» можно перевести: «долгой радости без предела» [Гу хань ю да цыдянь, 2001, с. 739, 1529].

Итак, в основу «короткой» датировки Ташебинского дворца легла особенность надписи на черепице. Замена иероглифа *чан* в сочетании *чан лэ* трактуется при этом как однозначно указывающая на период правления Ван Мана. После Чжоу Лянькуаня никто ничего нового по этому поводу не сообщил. К позиции Чжоу Лянькуаня присоединился известный китайский археолог Гэ Шаньлинь. С другой стороны, в ряде обобщающих работ по проблемам хунну, вышедших в последнее время в Китае, вопрос о датировке дворца остается открытым [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 2004, с. 466; Пань Лин, 2007, с. 109, 113]. Китайские авторы не приводят никакой новой аргументации, в лучшем случае излагая позиции Чжоу Лянькуаня и С. В. Киселева (Л. Р. Кызласова). То же самое мы видим и в последней монографии, посвященной древним динлинам [Дуань Ляньцин, 2006, с. 76–77].

В российской археологической литературе палеографические выводы Чжоу Лянькуаня принимает Э. Б. Вадецкая [1992, с. 246; 1999, с. 72]. Большинство же российских археологов, не желая ввязываться в споры о проблемах китайской черепицы, предпочитает обходить стороной вопрос датировки и атрибуции Ташебинского дворца. Эта проблематика отсутствует даже в обобщающих работах Н. Н. Крадина [2002, с. 79–86] и С. В. Данилова [2004, с. 34–56]. В результате последние годы был слышен лишь голос Л. Р. Кызласова – ярого про-

тивника поздней датировки черепицы. Но, как уже было сказано, Л. Р. Кызласов опирался на недостоверный «перевод» В. М. Алексева. Кроме того, не выдерживает критики его единственный аргумент против принципа палеографической датировки. Л. Р. Кызласов приводит наблюдение С. В. Киселева о том, что «еще во время правления У-ди» родственник ханьского императора Лю Ань заменял иероглиф *чан* при написании имени своего покойного отца [2001, с. 106; 2006, с. 214]. Однако в ханьском Китае, в силу древнего табу, сын не имел права использовать иероглифы, входящие в имя покойного отца [Наенш, 1932]. Поэтому пример, приведенный С. В. Киселевым, никоим образом не касается проблемы замещения иероглифа *чан* в наименованиях географических объектов, титулатуре и благожелательных фразах.

В то же время вопрос о датировке надписей с замененным иероглифом *чан* можно рассмотреть на более широком материале и на более серьезном уровне. Конечно, авторы компендиумов ханьской черепицы зачастую без каких-либо объяснений относят все диски с таким написанием этого иероглифа к периоду правления Ван Мана [Ван Шичан, 2004, с. 250]. Однако обратим внимание, что в приведенных Чжоу Лянькуанем датированных надписях с замененным иероглифом *чан* этот знак использован только для изменения наименования дворца Чанлэ. Речь идет о лаковом блюде «пань», изготовленном, судя по надписи, для «чан лэ гун» (дворца Чанлэ) на первом году эры правления Ши-цзянь-го (9 г. н. э.), бронзовом колокольчике и бронзовой лампе с надписями «чан лэ вэй ши» (Страж [дворца] Чанлэ), относящихся соответственно ко второму году эры Ши-цзянь-го (10 г. н. э.) и ко второму году эры Ди-хуан (21 г. н. э.) [Чжоу Лянькуань, 1956, с. 62]. Не ограничился ли Ван Ман лишь преобразованием имен собственных?

В 1989 г. было опубликовано бронзовое зеркало с надписью «чан у сян ван, чан лэ вэй ян» ([оставаться] всегда незабываемым, долгого счастья без предела), происходящее из могилы № 28 могильника Чансин, исследованного в уезде Мэйсянь провинции Шэньси [Шэньси шэн каогу..., 1989, с. 25, рис. 28 – 3, 35]. В тексте публикации надпись воспроизводится с заменой двух иероглифов *чан*, однако на фотографии и эстампаже видно, что заменен только второй из них (рис. 2 – 1).

Погребение, в котором было обнаружено это зеркало, относится, по мнению археологов, к раннему периоду Западной Хань, а иероглиф *чан* в сочетании *чанлэ* тем не менее заменен.

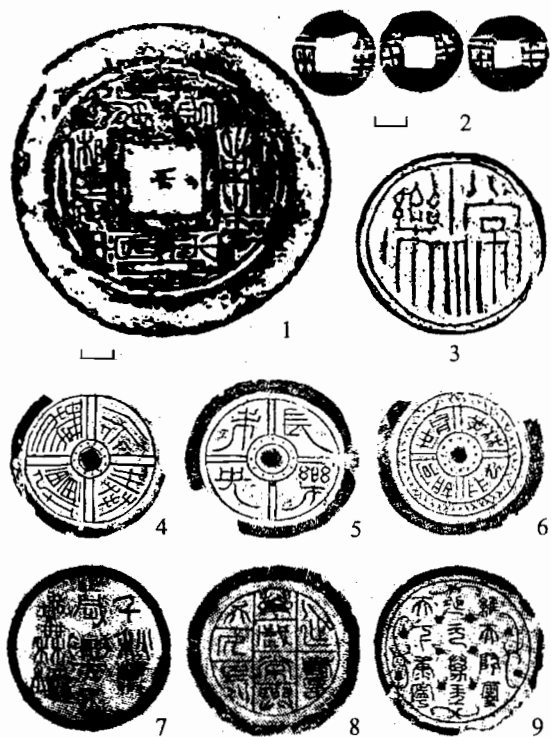

Рис. 2. 1 – бронзовое зеркало из могилы № 28 могильника Чансин; 2 – монеты *бань-лян* из могилы № 28 могильника Чансин; 3 – черепичный диск с надписью «чан лэ» с городища в Чуньяньчэн (провинция Фуцзянь); 4–9 – черепичные диски западноханьского времени (4 – надпись справа налево в две колонки с вихреобразным дизайном иероглифов, 5 – надпись справа налево в две колонки, 6 – надпись из восьми иероглифов, считываемая по часовой стрелке; 7–9 – надписи более чем из восьми иероглифов справа налево в три колонки).

1, 2 – по: Шэньси шэн каогу..., 1989, рис. 35, 42 – 9–11; 3 – по: Шэнь Юньянь, 2006, рис. 91 – 6; 4, 5 – по: Лю Цинчжу, 2000в, рис. 10, 6: 6–9 – по: Фу Цзян, 2002, № 586, 585, 587, 591

Кроме того, в «Ши цзи» уже за 121 г. до н. э. приводится указ императора У-ди о присвоении перешедшему на сторону Хань хуннскому великому данху по имени Танли титула чанлэ-хоу, опять-таки с нетрадиционным написанием сочетания *чан лэ* [ШЦ, т. 9, с. 2933; см.: Таскин, 1968, с. 89]. Надпись на зеркале из Чансина, присвоение титула чанлэ-хоу в 121 г. до н. э. и публикация раннего(?) зеркала с надписью «чан лэ вэй ян» из японской коллекции склонили китайского археолога Ян Цуна к выводу о том, что замена иероглифа *чан* в сочетании *чан лэ* необязательно должна датировать благожелательную надпись на черепице периодом династии Синь [1992, с. 39]. Излагая (без ссылки на автора) доводы Ян Цуна в пользу раннего появления нетрадиционного написания благопожеланий, другой китайский специалист – Лу Яогуан – оспорил применимость указанных аналогий для датировки надписей на черепице: возможно, надписи на зеркалах имели самостоятельную линию развития [1996, с. 22].

Такой способ доказывания не слишком убедителен: известно множество благожелательных формул, единых для самых различных «носителей», будь то черепица, зеркала или предметы домашней обстановки. Вероятно, рассуждения Ян Цуна определили позицию автора специального монографического исследования черепичных дисков Шэнь Юньяня, который «на основе материалов из археологических раскопок» утверждает, что замена иероглифа *чан* не является датирующим признаком [2006, с. 159, прим. 176]. Правда, Шэнь Юньянь, обронив эту фразу, не старается обосновать ее справедливость. Так дискуссия в китайской литературе угасла, едва начавшись. Попробуем, в ее продолжение, рассмотреть известные на сегодня датированные предметы с нетрадиционным написанием сочетания «чан лэ». Во-первых, сам Ян Цун, посвятивший свое исследование черепице, обнаруженной на городище ханьского времени Чуньяньчэн в горах Уишань (провинция Фуцзянь), констатирует, что найденные здесь диски с нетрадиционным написанием сочетания «чан лэ» (см. рис. 2 – 3) имеют палеографические особенности, относящие их к позднему или даже финальному периоду Западной Хань, т. е., самое раннее, ко второй половине I в. до н. э.: об этом говорит написание иероглифов *лэ*, *чан* и *вэй*, имеющее аналогии именно в поздних материалах.

Далее Ян Цун сообщает, что рассматриваемая черепица не встречалась на территории собственно крепости Чуньяньчэн, а была обна-

ружена при раскопках ее северных внешних укреплений, которые, по его мнению, однозначно датируются более поздним временем, чем сама крепость. Поскольку основание крепости может быть отнесено к началу I в. до н. э., когда на этих территориях утвердилась власть династии Хань, дополнительные постройки могли возводиться не ранее второй половины I в. до н. э. [1992, с. 39–40]. Других возможностей датировать по независимым основаниям черепицу с таким сочетанием иероглифов пока никому в Китае не представилось.

Тайваньская исследовательница Линь Судин составила каталог 1745 надписей на медных зеркалах эпохи Хань [1999]. Здесь приведены и датированные зеркала с нетрадиционным написанием сочетания «чан лэ». Кроме упомянутого зеркала из могилы № 28 могильника Чансин, которое авторы раскопок отнесли к началу Западной Хань, такие иероглифы нанесены на зеркало А-711, на котором есть дата «второй год [эры правления] Ши-цзянь-го» (10 г. н. э.) и зеркало В-171, происходящее из комплекса финального периода Западной Хань, исследованного в уезде Цяньян провинции Шэньси. Само зеркало из могилы № 28 могильника Чансин относится к типу «цзяньхуа гуйцзю» (упрощенный порядок). Другие датированные зеркала такого типа, учтенные Линь Судин в своем каталоге, относятся к более позднему времени: зеркало В-221 из могилы финального периода Восточной Хань в Гуаньчжоу и восточноханьское (судя по особенностям надписи) зеркало В-346-4.

В Корею зеркала такого типа обнаружены в четырех захоронениях культуры Лэлан, датируемых поздним периодом Восточной Хань [Ван Пэйсинь, 2007, с. 69]. Монеты «бань-лян» (см. рис. 2 – 2), обнаруженные в могиле № 28 могильника Чансин вместе с рассматриваемым зеркалом, относятся к выпускам, датируемым периодами правления ханьских императоров Вэнь-ди – У-ди, т. е. к 70–80 гг. II в. до н. э. [ср. Ду Вэйшань, 2000, т. 2, с. 243–300], так что комплекс может быть датирован по ним второй половиной II в. до н. э. При этом находка в том же комплексе зеркала, не имеющего аналогий в столь раннем материале, приобретает значение «хронологического парадокса». Очевидно, что вопрос о датировке этого зеркала никак не может считаться закрытым, по крайней мере, до обнаружения новых зеркал с теми же особенностями в датированных комплексах. Таким образом, чаша весов склоняется в пользу отнесения предметов декоративно-

прикладного искусства с нетрадиционным написанием слов «чан лэ» к финалу Западной Хань – периоду правления Ван Мана, но при сохранении вероятности появления такой формулы и на предметах более раннего времени.

Однако, как уже указывалось ранее [Ковалев, 2007, с. 146], палеографические особенности надписи на черепичных дисках с крыши Ташебинского дворца не исчерпываются использованием редкого иероглифа *чан*. Даже если сочетание «чан лэ» с этим иероглифом могло использоваться в благожелательных надписях раньше конца I в. до н. э., то принцип считывания текста на ташебинской черепице однозначно относит ее к периоду не ранее начала нашей эры. Эта тема недостаточно раскрыта в китайской литературе и совершенно не затронута западными учеными.

Традиционным для черепичных дисков западноханьского времени было расположение иероглифов сверху вниз в две-три колонки, считываемых справа налево (см. рис. 2 – 4, 5, 7–9). Реже размещение иероглифов предполагало считывание надписи по часовой стрелке (см. рис. 2 – 6). Начальный иероглиф надписи на всех черепичных дисках, надежно датированных эпохой Западной Хань, размещался справа от вертикальной оси диска. Для наиболее часто встречающихся четырехэлементных надписей характерно размещение иероглифов в выделенных радиусами четырех секторах (см. рис. 2 – 4–6). Эти иероглифы на многих дисках имеют «вихреобразный» дизайн [см.: Фу Цзяи, 2002, т. 1–2]. Круглый диск, разделенный на четыре сектора, символизировал небо. Согласно представлениям ханьского времени, небо разделялось на пять областей: центральную и четыре «дворца», соотношенные со сторонами света. Отсюда разграничение поверхности диска на сектора и частое выделение центральной круглой области – выпуклой «кнопки». Четыре сектора, образующих круг, также являлись выражением четырех основных сезонов года. Подсчеты разного рода дополнительных элементов изображения на диске: рисок, крестиков, кружков, окружностей – показывают тесную связь композиции иероглифов с календарной и астрономической тематикой [Ван Пэйлян, 2004, с. 48–55, 212–233]. Особенно выпукло календарно-астрономический смысл черепичного диска проявляется при рассмотрении дисков без надписей: часть из них украшена вихреобразными завитками, символизирующими движение солнца и небесной сферы

(причем количество завитков, идущих по нескольким concentрическим окружностям, соответствует числовой символике мироустройства), а многие другие разделены на четыре сектора с центрально-симметричными (а гораздо реже – различными) фигурами в их пределах [Ван Пэйлян, 2004, с. 133–145]. Оформление диска в виде «сегнера колеса» и деление диска на четыре сектора стали характерными признаками циньской черепицы еще до появления дисков с надписями (рис. 3) [Лю Цинчжу, 2000б, с. 308–315]. Кроме того, диски без надписей, разделенные на четыре сектора, всегда имели в качестве вертикальной оси линию разграничения секторов. Не зафиксированы диски без надписей, располагавшиеся в пространстве иначе, т. е. одним из секторов вверх, другим вниз (нужно отметить, что расположение диска в пространстве устанавливается без труда, поскольку диск – неотъемлемая часть черепичного желоба). Таким образом, характер расположения иероглифов на диске и порядок их считывания был определен сложившейся еще в доханьское время календарно-астрономической символикой изображений.

Надпись на ташебинских дисках нанесена по принципиально иной схеме: она считывается вначале по вертикальной оси диска, затем сверху вниз правая колонка и, наконец, сверху вниз левая. Центральная «кнопка» разделяет первую колонку текста на два равных отрезка: верхний и нижний. Таким образом, надпись оказывается состоящей из четырех частей, считываемых крестообразно (верх – низ – право – лево). Эта геометрическая схема скалькирована с системы пространственного расположения пяти элементов («у син») в нумерологической фигуре-кресте «хэ ту» [Кобзев, 1993, с. 295]: низ (вода, север, 1, 6), верх (огонь, юг, 2, 7), лево (дерево, восток, 3, 8), право (металл, запад, 4, 9), центр (почва (земля), 5, 10). Однако последовательность считывания соответствует базовой последовательности элементов в доханьском трактате «Хун фань»: «1 – вода. 2 – земля. 3 – дерево. 4 – металл» [Гранэ, 2008, с. 115–116], только при условии разворота фигуры на 180°, чтобы «вода» (=«север») оказалась сверху. Центром этой фигуры и последним считываемым элементом должен быть элемент «почва, земля» (центр, 5, 10). Однако на ташебинской черепице этот центральный и обязательный элемент не выражен (центральная кнопка не несет никакой надписи и имеет округлые очертания, в то время как в ханьском Китае земля обозначалась квадратом).

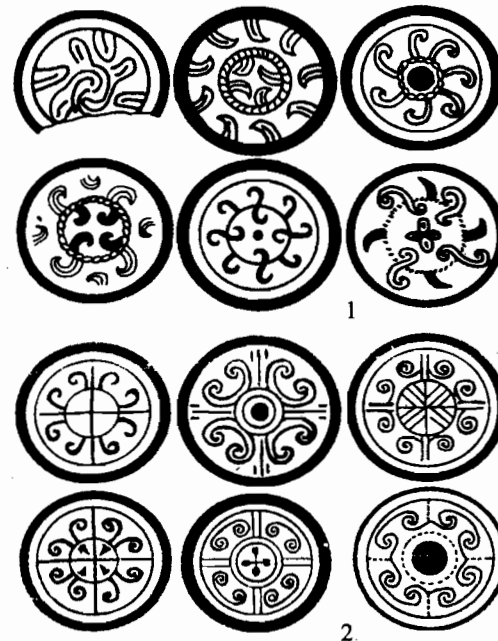

Рис. 3. Черепичные диски царства Цинь эпох Чжаньго и Цинь
1 – с вихреобразным орнаментом; 2 – разделенные на четыре сектора
[по: Лю Цинчжу, 2000б, рис. 7, 8]

Правомерно предположить, что схема считывания надписи на ташебинской черепице была недостаточно исчерпывающим выражением полной системы «у син», так что предшественником ташебинской надписи должна была быть такая геометрическая последовательность символов, которая предполагала бы считывание не только четырех крайних, но и пятой – центральной – позиции. Необходимо также отметить, что порядок считывания элементов, при котором движение начинается сверху вниз и продолжается справа налево (если крест не перевернут и «огонь» находится сверху), не зафиксирован в известных древних и средневековых источниках [Кобзев, 1993, с. 310–315, схемы 66–67].

Таким образом, для появления ташебинской надписи необходимо было становление традиции отображения «перевернутой» картины мира, верхом которой был бы не юг, а север.

С этой точки зрения единственным претендентом на место прототипа ташебинской черепицы становятся своеобразные монеты, выпуск которых был организован никем иным как узурпатором Ван Маном. Если более ранние монеты *бань-лян*, *сань-чжу* и *у-чжу* имели надпись из двух расположенных справа налево иероглифов, которая геометрически не была привязана к символике формы самой монеты: квадрат (земля) в круге (небо), то при Ван Мане начинается выпуск круглых монет с тем же квадратным отверстием, но надписью не из двух, а из четырех иероглифов, считываемых по направлению именно верх – низ – право – лево. Если это было воспроизведением перевернутого креста «хэ ту», то четыре его окончания – север, юг, восток, запад – оказывались вписанными в небесную сферу-окружность монеты, а центральная позиция – земля – символизировалась квадратным отверстием. Так система пяти элементов – пяти направлений получала завершенное выражение, а китайская монета предстала квинт-эссенцией всеобъемлющей связи всего сущего по вертикали и горизонтали с центром в Поднебесной. Представляется, что реформа геометрии надписей на монетах была отнюдь не второстепенным делом для Ван Мана, решительно подчинившего магической (в том числе нумерологической) символике географические наименования, титулатуру, административно-территориальное устройство.

Ю. Л. Кроль склоняется к мысли, что кажущиеся неумеренными и лихорадочными попытки Ван Мана переименовать и перестроить «все и вся» имели философскую подоснову и ясную цель: вызвать наступление эры великого спокойствия «тай пин» [2005а, с. 26–28; 2005б, с. 274–282]. Универсальность символики имперских денег должна была подчеркнуть всеобъемлющее господство и вселенскую устойчивость государства, возглавляемого династией Синь. Ван Ман начал выпуск новых денег в 7 г. н. э., но на этом не остановился, в результате ввергнув монетное обращение в полный хаос, что подробно описано в «Хань шу» [1997, т. 4, с. 1177–1184; The History..., vol. 3, 1955, р. 482–502; Scheidel, 2009, р. 150–152]. Крестообразную схему имели наиболее многочисленные монеты раннего периода правления Ван Мана [Чжунго цянъби да цыдянь, 1998, с. 411–458]. На первом этапе реформ, в 7 г. н. э., когда Ван Ман был еще регентом, в дополнение к старым монетам *у-чжу*, принятым за базовую мелкую монету, были выпущены *да цюань у ши* (большая монета в пять десятков [монет]) (рис. 4 – 1); в 9 г. после смерти малолетнего императора и

свержения

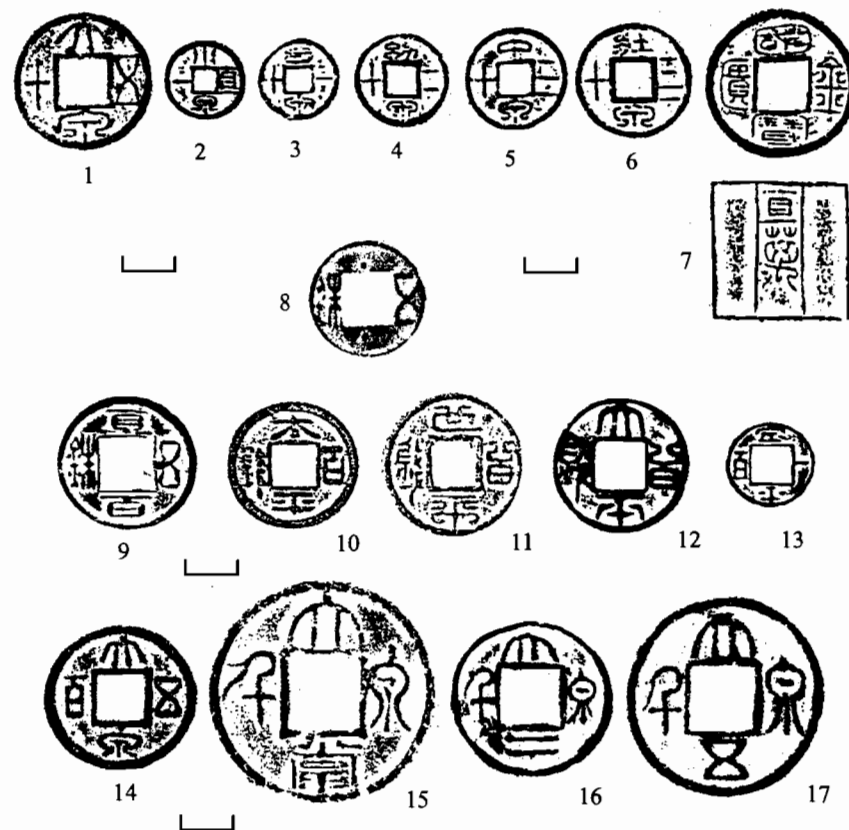

Рис. 4. 1–7 – монеты выпусков Ван Мана с крестообразными надписями (1 – да цюань у ши; 2 – сяо цюань чжи и; 3 – яо цюань и ши; 4 – ю цюань эр ши; 5 – чжун цюань сань ши; 6 – чжуан цюань сы ши; 7 – го бао цзинь гуй чжи вань); 8 – монета *у-чжу* царства Вэй с горизонтальной надписью; 9–13 – монеты царства Шу-Хань с крестообразными надписями (9 – чжи ба у чжу, 10 – тай тин ба цянъ, 11 – да тин ба цянъ, 12 – ши тин ба цянъ, 13 – дин тин и ба); 14 – монета царства У да цянъ у ба с крестообразной надписью; 15–17 – монеты царства У с круговой надписью (15 – да цянъ дан цянъ, 16 – да цянъ эр цянъ, 17 – да цянъ у цянъ)

1–7 – по: Чжунго цянъби да цыдянь, 1998, с. 415, 446, 455, 457, 637; 8–17 – по: Чжунго цянъби да цыдянь, 2003, с. 17, 45, 61, 65, 79, 92, 94, 103, 105

прекращения династии Хань «базовую» монету *у-чжу* из-за использования табуированного знака запретили и заменили ее на *сяо цюань чжи и* (мелкая монета, равная одной [монете]) (см. рис. 4 – 2). В 10 г. были выпущены монеты *яо цюань и ши* (маленькая (юная) монета в один десяток [монет]), *ю цюань эр ши* (малая монета в два десятка [монет]), *чжун цюань сань ши* (средняя монета в три десятка [монет]), *чжуан цюань сы ши* (солидная (взрослая) монета в четыре десятка [монет]) (см. рис. 4 – 3–6). Известна также выпущенная в тот же период золотая монета с надписью «го бао цзинь гуй чжи вань» (государственная драгоценность из золотого запаса, равная десяти тысячам [монет]); первые четыре иероглифа надписи образуют по вышеуказанному принципу крест, а последние два отлиты на «дополнительной» квадратной части монеты, как бы присоединенной к диску снизу [Чжунго цянъби да цыдянь, 1998, с. 637] (см. рис. 4 – 7). Несмотря на то что вскоре в обращение были пущены новые круглые мелкие монеты с горизонтальной надписью из двух иероглифов: с 10 г. *бу цюань* (мотыга-монета), а с 14 г. – монеты *хо-цюань* (товарная (торговая) монета) [Там же, с. 484–545], которые, судя по многочисленным находкам, вытеснили монеты с крестообразной надписью [Быков, 1969, с. 14], а затем, по восстановлению династии Хань, в обращение были возвращены прежние монеты *у-чжу* [Чжунго цянъби да цыдянь, 1998, с. 552], принцип крестообразного построения надписи на монетах не был забыт.

Более того, имеющиеся в нашем распоряжении экземпляры монет последующего периода показывают глубокую семантическую нагрузку геометрии монетной легенды. В царстве Вэй, столицей которого был Лоян – прежняя столица Восточной Хань, продолжали по ханьскому образцу отливать монеты *у-чжу* с горизонтальной надписью [Чжунго цянъби да цыдянь, 2003, с. 4–37] (см. рис. 4 – 8). В царстве Шу-Хань еще до обретения формальной независимости господствующее положение заняли монеты с крестообразными надписями по образцу выпусков Ван Мана: если до 214 г. еще выпускались *у-чжу*, то с 214 – с крестообразной надписью *чжи ба у чжу* (равна ста $\sqrt{}$ *у-чжу*), а также монеты с символическими девизами в 100 единиц *тай пин ба цянъ, да пин ба цянъ, ши пин ба цянъ*, с 235 г. к этим последним прибавилась монета в 100 единиц того же дизайна *дин пин и ба* [Там же, с. 37–87] (см. рис. 4 – 9–13). В царстве У в начале (не позднее

229 г.) были выпущены монеты, подражающие выпускам Ван Мана, с крестообразной надписью *да цянъ у ба* (большая монета в пять сотен [монет]) [Чжунго цянъби да цыдянь, 2003, с. 88–93] (см. рис. 4 – 14), однако вскоре, в 238 г., им на смену пришли монеты с надписью, считываемой оригинальным (для денег) манером – по часовой стрелке(!): *да цянъ дан цянъ* (большая монета, равная тысяче [монет]), *да цянъ эр цянъ* (большая монета в две тысячи [монет]), *да цянъ у цянъ* (большая монета в пять тысяч [монет]) [Там же, с. 94–105] (см. рис. 4 – 15–17). Таким образом, в каждом из соперничающих царств к середине III в. выпускались монеты со своей индивидуальной системой считывания легенды: в царстве Вэй – по горизонтали, Шу – крестообразно, У – по кругу.

Итак, система расположения иероглифов надписи на круглых монетах Ван Мана в силу своей завершенности и осмысленности вполне могла послужить шаблоном для оформления надписи на ташебинской черепице. Для подтверждения этого тезиса необходимо рассмотреть все черепичные диски с подобной организацией текста. Диски с надписью, считываемой крестообразно, нередки в китайских собраниях. На некоторых таких дисках иероглифы направлены вертикальной осью по радиусу круга. Ряд специалистов объясняет появление такой системы написания иероглифов влиянием традиции оформления ханьских бронзовых зеркал [Лю Цинчжу, 2000а, с. 296; Шэнь Юньян, 2006, с. 119]. Действительно, для ханьских зеркал характерно расположение иероглифов четырьмя группами по периметру центрального квадрата, иногда эти иероглифы направлены вертикальной осью перпендикулярно соответствующей стороне этого квадрата. Однако всегда надписи на ханьских зеркалах считываются по кругу (периметру центрального квадрата); «крестообразных» надписей мне обнаружить не удалось.

Таким образом, определяющим влиянием традиции изготовления зеркал объяснить появление на черепице надписей, считываемых крестообразно, невозможно. В то же время известен черепичный диск, который подтверждает появление крестообразных надписей на черепице влиянием дизайна монет Ван Мана и их связь именно с перевернутым крестом «хэ ту». На этом диске воспроизведена «крестообразно» фраза «да цин у у» (большое счастье пять пять) [Ван Пэйлян, 2004, с. 251; Фу Цзя, 2002, т. 2, с. 870] (см. рис. 5 – 1). Две «счастливых»

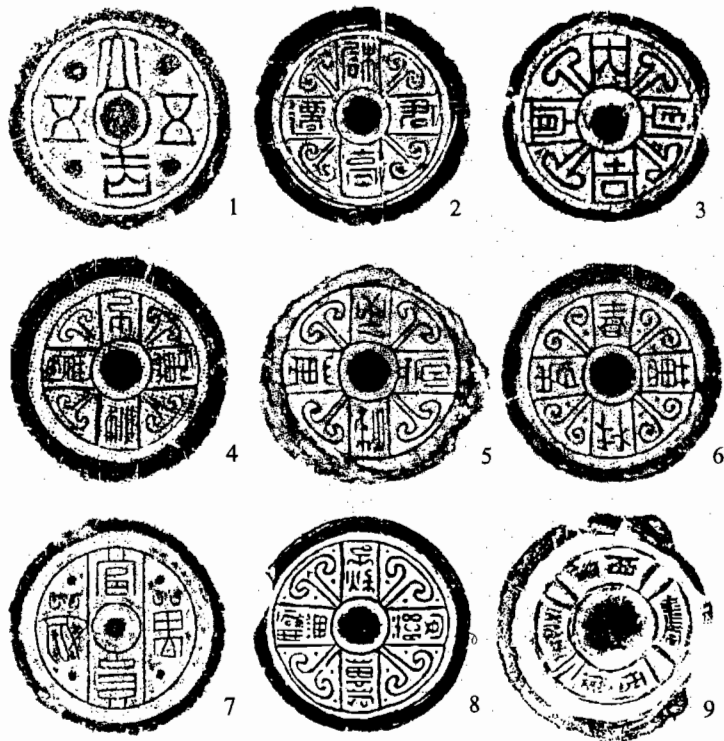

Рис. 5. Черепичные диски с крестообразными надписями периода Восточная Хань

1 – «да цзин у у» из Лояна; 2–8 – с городища столицы удела Ци из Хуангунтай (провинция Шаньдун) (2 – «де гао цзюнь цянь», 3 – «да цзи и гун», 4 – «сянь цю вань суй» сверху вниз – справа налево, 5 – «сянь цю вань суй» сверху вниз – слева направо, 6 – «чунь цю вань суй», 7 – «фу гуй вань суй»; 8 – «сянь цю вань суй ань лэ у цзи»; 9 – «сихай аньдин юань-син юань нянь цзо дан» с «треугольного» городища в уезде Хайянь (провинция Цинхай)

1–7 – по: Фу Цзяи, 2002, № 1540, 1437, 1438, 1450, 1448, 1477, 1478; 8 – по: Лю Цинчжу, 2000в, рис. 8; 9 – по: Ань Чжиминь, 1959, рис. 1

цифры 5 символизируют 5 «небесных» чисел 1, 3, 5, 7, 9, т. е. янь и 5 земных чисел 2, 4, 6, 8, 10, т. е. инь. Те же числа, как отмечает Ван Пэйлян, отражены и в геометрии диска. В магическом квадрате «лю шу» числа янь должны располагаться по вертикали и горизонтали. На диске этому расположению соответствует размещение четырех

иероглифов и окружности в центре. Числа инь, в свою очередь, должны размещаться по диагоналям. Этим цифрам соответствуют 5 выпуклых кругов между иероглифами (и внутри центральной окружности). На мой взгляд, начало считывания иероглифов сверху, а не снизу может означать «перевернутость» квадрата, верхним символом которого оказывается в этом случае «единица» (север, вода). Кроме «магических» сопоставлений напрашивается еще и аналогия с монетной легендой: на круглых монетах Ван Мана числовое значение отображалось по горизонтали; то же самое мы видим и на рассматриваемом диске. Независимых оснований для датировки этого диска у нас нет, однако он найден в руинах Лояна – столицы Восточной Хань, поэтому Чэнь Чжи датирует его восточноханьским временем [1963, с. 28]. Вообще диски с «крестообразными» надписями, которые хотя бы приблизительно можно было датировать, относятся именно ко времени Восточной Хань и более позднему периоду.

При раскопках восточноханьских слоев древней столицы удела Ци в Хуангунтай уезда Линьцзы провинции Шаньдун были обнаружены черепичные диски с крестообразными надписями «де гао цзянь цзюнь» (сверху вниз – слева направо) [Фу Цзяи, 2002, с. 817], «да цзи и гун» (большое счастье должно быть во дворце) (сверху вниз – слева направо) [Там же, с. 818], «сянь цю вань суй» (тысяча осеней, десять тысяч лет) (сверху вниз – слева направо, сверху вниз – справа налево) [Там же, 2002, с. 821–826], «чунь цю вань суй» (весен, осеней десять тысяч лет) (сверху вниз – справа налево) [Там же, с. 831, 832], «фу гуй вань суй» (богатство и знатность десять тысяч лет) (сверху вниз – справа налево) [Там же, с. 833], «сянь цю вань суй ань лэ у цзи» (тысяча осеней, десять тысяч лет спокойствия и счастья без конца) (сверху вниз – справа налево) [Лю Цинчжу, 2000в, с. 331, 333] и другими [Лю Цинчжу, 2000а, с. 285; Шэнь Юньян, 2006, с. 137–138] (см. рис. 5 – 2–8).

К Восточной Хань по аналогии с этими находками относят и черепицу с крестообразной надписью «чаншань чан гуй», обнаруженную при раскопках развалин крепости Юаньши в районе г. Шицзячжуана (провинция Хэбэй) [Шэнь Юньян, 2006, с. 128, 137].

В 1942 г. в уезде Хайянь провинции Цинхай, на развалинах «треугольной» крепости – предположительно центра бывшего округа Си-

хай – были найдены черепичные диски с крестообразной надписью «Сихай аньдин юань-син юань нянь цзо дан» (В начальном году эры правления юань-син Сихай умиротворен, [в честь чего] изготовлен диск») [Ань Чжиминь, 1959] (см. рис. 5 – 9). Округ Сихай на этой территории был учрежден по инициативе Ван Мана в 5 г. н. э. [Хань шу, 1997, т. 12, с. 4087; The History..., p. 215], затем эти земли получили прежнее название – округ Цзиньчэн, но в 103 г. земли цянов на западной окраине округа Цзиньчэн, за линией пограничных укреплений, опять были выделены в округ Сихай, что было связано с необходимостью усиления контроля над цянскими племенами [Ли Сяоцзе, 1999, с. 148]. Ханьская эра правления юань-син приходится на 105 г., поэтому, вне всякого сомнения, черепичный диск относится к 105 г. н. э. Надпись на диске размещена по четырем секторам внешнего кольца: наименование «Сихай» написано сверху справа налево; иероглифы *ань дин* – в нижнем секторе справа налево; иероглифы *юань син юань* – в левом секторе сверху вниз; *нянь цзо дан* – в правом секторе сверху вниз. Разрыв формульных выражений (слово «начальный» оторвано от слова «год»), а также вертикальное направление считывания правой и левой частей надписи представляет наиболее близкую аналогию черепичным дискам из Ташебинского дворца. Черепичные диски с крестообразными надписями во множестве обнаружены при раскопках городищ постханьской эпохи. Два таких городища: северная и южная крепости Ечэн, находятся в уезде Линьчжан провинции Хэбэй. Северное городище, по данным письменных источников, функционировало в III–IV вв. н. э., а южное – в VI в. [Чжунго шэхуй кэсюэюань..., 1990, с. 595].

На северном городище были найдены черепичные диски с крестообразными (сверху вниз – справа налево) надписями «фу гуй вань суй» и «да Чжао вань суй» (великому Чжао десять тысяч лет) [Там же, с. 599, рис. 2 – 7, 8, табл. 5 – 3, 4] (рис. 6 – 1–2); последняя надпись посвящена процветанию государства. Позднее Чжао, на чьих землях находилось городище, что позволяет датировать черепичный диск периодом его существования (319–350 гг.) [Шэнь Юньянь, 2006, с. 165–166]. Обломки подобных дисков с надписями «фу гуй вань суй» (сверху вниз – справа налево, справа налево – сверху вниз) найдены и на южном городище Ечэн [Чжунго шэхуй кэсюэюань..., 1997, с. 31, рис. 3 – 2, 7] (см. рис. 6 – 3–4).

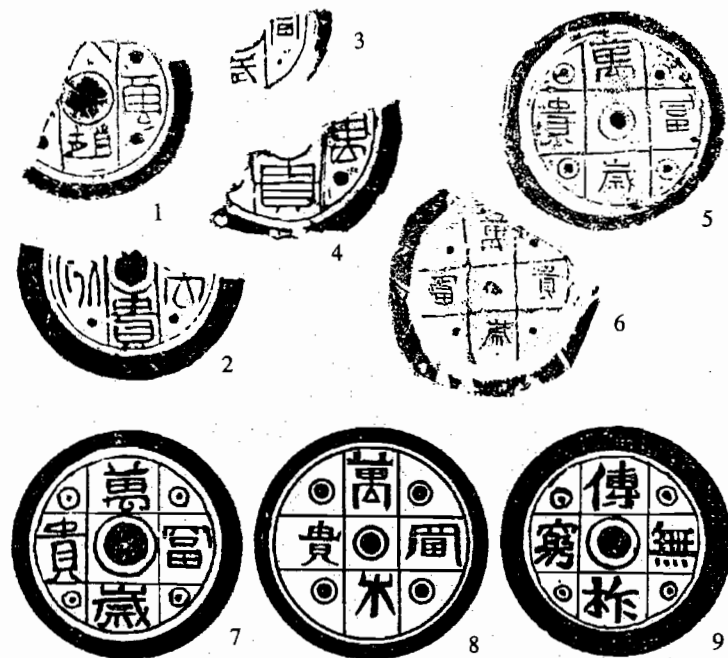

Рис. 6. Черепичные диски с крестообразными надписями постханьского времени

1, 2 – «да Чжао вань суй», «фу гуй вань суй» с северного городища Ечэн (провинция Хэбэй); 3, 4 – «фу гуй вань суй» справа налево – сверху вниз и сверху вниз – справа налево с южного городища Ечэн (провинция Хэбэй); 5, 6 – «фу гуй вань суй» справа налево – сверху вниз и слева направо – сверху вниз с городища Шицзываньцунь (Внутренняя Монголия); 7–9 – «фу гуй вань суй», «чуань цзо у цзон», руины Пичэна в окрестностях Датуня (провинция Шаньси)

1, 2 – по: Чжунго шэхуй кэсюэюань..., 1990, рис. 2 – 7, 8; 3–4 – по: Чжунго шэхуй кэсюэюань, 1997, рис. 3 – 2, 7; 5–6 – по: Нэймэнгу ювэнь лиши..., 1980, рис. 9 – 7, рис. 10 – 4–5, рис. 11

Большое количество черепичных дисков с крестообразными надписями «фу гуй вань суй» (порядок считывания справа налево – сверху вниз; на некоторых слева направо – сверху вниз; диск расчерчен на девять клеток) обнаружено при раскопках городища государства Северное Вэй (386–534 гг.) около деревни Шицзываньцунь (Чжунгар-

ского (Чжунгээр) аймака Внутренней Монголии) [Гэ Шаньлин, 1965; Нэймэнгу ювэнь лишэ..., 1980, с. 57–58, рис. 8 – 1–5, 9 – 1–10] (см. рис. 6 – 5–6). Аналогичные диски были характерными находками на развалинах и в окрестностях Пинчэна – столицы Северного Вэй (нынешний Датун, провинция Шаньси); кроме дисков с надписями «фу гуй вань суй» (справа налево – сверху вниз) здесь найдены диски с надписью «чуань цзо у цюань» (передать счастье без предела) (сверху вниз – справа налево) (см. рис. 6 – 7–9). Такие же диски с надписями «фу гуй вань суй» найдены на городище Тучэнлян в уезде Учунь Внутренней Монголии. Столица Северного Вэй пребывала в Пинчэне с 399 по 494 г., что позволило датировать все такие «расчерченные» диски с крестообразными надписями V в. н. э. На следующем этапе, когда вэйская столица была перенесена в Лоян, керамические диски с надписями уступают место дискам с барельефными изображениями [Нэймэнгу ювэнь лишэ..., 1980, с. 60–61, 96]. Такой же по оформлению диск, найденный в уезде Янгао провинции Шаньси, имеет надпись, восстанавливаемую как «четвертый год [эры правления] тай[-ань]», что соответствует 458 г. [Шэнь Юньян, 2006, с. 178].

Таким образом, исследование генеалогии порядка считывания надписи на ташебинской черепице и рассмотрение датированных керамических дисков с крестообразными надписями приводит нас к выводу, что появление дисков с крестообразными надписями может относиться, самое раннее, ко времени первых выпусков круглых монет Ван Мана; изготовление таких дисков продолжалось при династии Восточная Хань и в более позднее время. Эти выводы определяют *terminus post quem* постройки Ташебинского дворца.

Принадлежность Ташебинского дворца и цель его постройки определяется использованием на керамических дисках иероглифов *тянь цзы* – китайского императорского титула. Напомним, что это сочетание ни разу не встречено на каких-либо других дисках, что отмечал Чэнь Чжи [1963, с. 27]. Надпись на ташебинской черепице представляет собой типичное благопожелание, направленное на помощь владельцу или пользователю объекта. Альфред Форке указывал, что благопожелания в древнем и современном Китае играют роль «талисмана», «благословения», распространяющего свою силу на обозначенный ими материальный объект [Forke, 1899, s. 61].

Значению ханьских благопожеланий для владельца соответствующей вещи М. В. Крюков посвятил раздел в коллективной монографии; в том числе им трактуются именно как личные благопожелания-сентенции о процветании государства, искоренении варваров и т. п.: «В условиях, когда империя постоянно вела войны с соседями, личные жизненные успехи нередко зависели от того, насколько благоприятной была ситуация в государстве в целом» [Крюков и др., 1983, с. 270–273].

О глубоких корнях культа благопожеланий в Китае и его необычайной устойчивости пишет Л. С. Васильев [2001, с. 423–426]. Таблицы и изображения с благопожеланиями были обычны для храмов предков, где эти надписи были направлены на процветание всего клана, регулярно собиравшегося в храме «вместе» с покойными предшественниками [Там же, с. 157–162]. Поэтому не стоит удивляться, что на кладбищах правителей Западной Хань и их жен обнаружены керамические диски с пожеланиями вечного счастья и долголетия, например «чан шэн у цзи» (долгой жизни без конца), «чан лэ вэй ян» (долгого счастья без предела), «сянь цю вань суй» (тысячу осеней, десять тысяч лет) и др. [Лю Цинчжу, 2000а, с. 292; Ван Шичан, 2004, с. 377–406]. Однако черепица с крыши Ташебинского дворца не могла использоваться для культа предков, так как имеет конкретного адресата – «сына неба», к которому (в случае, если Ташебинский дворец был бы его поминальным храмом или храмом его родственника) не могло быть обращено пожелание долголетия и бесконечного счастья, всегда направленное не на индивидуальный субъект, а на бесконечную череду поколений клана (живых и мертвых). Кроме того, беспрецедентность использования титула «сын неба» на черепице может объясняться настойчивым желанием подчеркнуть принадлежность дворца действующему владыке. Таким образом, Ташебинский дворец принадлежал «сыну неба» и, видимо, был его резиденцией.

Хотя титул «сын неба» был прерогативой императоров Китая, Л. Р. Кызласов в обоснование своей «ли-линовской» версии привел слова из «Хань шу» о том, что хунну величают своего шаньюя «чэнли гуду шаньюй», т. е. «на их языке» – «сын неба шаньюй» [2001, с. 108; 2006, с. 216]. Целью этого для Л. Р. Кызласова было приписать ташебинскую черепицу подданному хуннского владыки, желавшему якобы прославить своего «сына неба» – шаньюя. Действительно, такое

сообщение имеет место [Хань шу, 1997, т. 11, с. 3751; см.: Таскин, 1968, с. 133], однако отсюда не следует, что слова «чэнли гуду» означают титул правителя хунну и имеют право на самостоятельное употребление. Собственно титулом руководителя этой кочевой империи было слово «шаньюй», имеющее, согласно мнению Бань Гу, значение «обширный, подобно небу» [Там же, с. 128]. Наряду с дополнением «чэнли гуду» мы знаем еще об одном эпитете, прилагавшемся к титулу «шаньюй»: «жоти», т. е. почтительный к родителям. В главе 946 «Хань шу» сказано: «Сюнну называют почтительного к родителям – жоти. Начиная с Хуханье, сюнну находились в дружественных отношениях с [династией] Хань и, видя, что в Хань при поднесении посмертных титулов покойным императорам употребляют слова «почтительный к родителям», полюбили это слово, а поэтому все шаньюи стали именоваться «жоти»» [цит. по: Таскин, 1973, с. 62; см.: Хань шу, 1997, т. 11, с. 3828]. Здесь же приведен пример такого титулования: «Худуэрши даогао жоти шаньюй», где «Худуэрши» – имя, а «жоти шаньюй», исходя из приведенных пояснений, – титул. Значение сочетания «даогао» в тексте «Хань шу» не разъясняется, хотя далее имя шаньюя употребляется без этих двух иероглифов, из чего можно сделать вывод о том, что это еще один эпитет – часть развернутого титула. (Необходимо обратить внимание, что переводом В. С. Таскина [1973, с. 62] в этой части пользоваться нельзя: вместо «...стал [именоваться] Худуэрши даогао жоти шаньюй» он почему-то переводит «...под именем шаньюя Худуэрши даогао жоти», так что сочетание «жоти» бесосновательно помещается в имя правителя, а не в титул.) Определение «жоти» упоминается в составе титула марионеточных шаньюев, назначенных Ван Маном (см. далее). Примерами эпитетов, входящих в развернутый титул шаньюя, служат и дополнения, с которых начинались официальные обращения шаньюев к правителям империи Хань: «поставленный небом великий шаньюй сюнну», «небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный великий шаньюй» [Таскин, 1968, с. 43, 45].

С другой стороны, мы знаем случаи употребления титула правителя хунну в надписях на китайской черепице. Черепичные диски с надписями «шаньюй тянь цзян» (шаньюй – воплощение неба), «шаньюй хэ цинь» (шаньюю согласия и близости – интерпретацию идиомы «хэ цинь»; см.: Кроль, 2005б, с. 138–139) обнаружены в за-

полнении могил № 25, 47 могильника Чжаовань в пригороде Баотоу, относящихся к позднему периоду Западной Хань [Хэ Линь, 1981; Лу Сысянь, 1982; Чэ Жигэ, 2000, с. 173–174] (рис. 7 – 1–2).

Рис. 7. 1, 2 – черепичные диски из заполнения могилы № 47 могильника Чжаовань (Баотоу, Внутренняя Монголия); 3 – надпись на облицовочном кирпиче из «Чжуань мэнь мин цзя»

1, 2 – по: Чэ Жигэ, 2000, рис. 1 – 1–2; 3 – по: Баотоу ши вэньу гуаньлисо..., 1981, рис. 6

Кроме этого, известна изданная в первой половине XX в. во втором сборнике серии «Чжуань мэнь мин цзя» надпись на ханьском облицовочном кирпиче «шаньюй хэ цинь, цян цю вань суй, ань лэ вэй ян» (шаньюю согласия и близости, тысяча осеней десять тысяч лет, безмятежного счастья без предела) [Баотоу ши вэньу гуаньлисо..., 1981, рис. 6] (см. рис. 7 – 3). Китайские ученые считают, что эти черепичные диски и кирпич происходят из развалин дворца, построенного недалеко от нынешнего Баотоу для шаньюя Хуханье, впервые признавшего сюзеренитет Хань и дважды (в 51 и 49 гг. до н. э.) посетившего с официальным визитом столицу империи – Чаньань. Как можно заметить, на этих предметах в качестве титула повелителя хунну используется именно слово «шаньюй».

Итак, нет данных, что слова «сын неба» могли быть употреблены обособленно в качестве титула правителя хуннского государства. В то же время сочетание «тянь цзы» с глубокой древности было официальным титулом китайского монарха.

Подытоживая вышесказанное, необходимо признать наиболее вероятным, что Ташебинский дворец принадлежал императору Китая,

правившему не ранее начала нашей эры и, вероятно, не позднее завершения восточноханьской эпохи.

Поскольку никаких данных о территориальных приобретениях ханьского Китая в Хакасии не имеется, а также отсутствуют сведения об официальных визитах в этот северный край правителей каких-либо китайских государств, остается предположить, что искомый император вынужден был проживать на территории хунну, поскольку императором Китая он был только в глазах этих кочевников. Имел ли место такой дипломатический казус?

В конце 10 г. н. э. Ван Ман взял курс на ослабление государства хунну, объявив, что разделит его на 15 частей и поставит в каждой части по самостоятельному шаньюю. В 11 г. он объявил одним из новых шаньюев – «жоти шаньюем» – своего ставленника Сяня, младшего брата правящего шаньюя Чжи. Сянь поехал в ставку настоящего шаньюя и тут же униженно отказался от присвоенного титула. Тогда Ван Ман объявил шаньюем оставшегося в Чанъани сына Сяня, а по смерти этого сына – другого сына. Впрочем, через год, в 12 г., Ван Ман казнил своего выдвигенца за проступки его родственников. В 13 г. Ван Ман увидел-таки своего ставленника на престоле шаньюя: после смерти «законного» шаньюя Чжи лидеры «прокитайской партии» среди хунну – уже упоминавшаяся дочь Ван Чжаоцзюнь Юнь и ее муж Суйбу Дан – объявили «вне очереди» шаньюем оставшегося среди хунну Сяня, что было с восторгом встречено китайским двором (и, возможно, было им инспирировано). Сянь оказался, правда, не слишком управляемым, что усугублялось обидой на китайцев, казнивших его сына ни за что. Он умер в 18 г., и на престол взошел его младший брат Юй. Грабительские набеги сюнну приобрели угрожающий масштаб, и в 19 г. Ван Ман решил собрать несметные силы и покарать кочевников. При этом его вновь захватила идея завести своего собственного шаньюя: дружественный ханьцам Суйбу Дан, который к тому времени руководил западными землями хунну, был обманом захвачен посланцами Ван Мана, привезен с семьей в Чанъань и насильно(!) объявлен шаньюем, получив одновременно хун-нский титул шаньюю и китайский – хоуань-гун. Дело оставалось за малым – надо было разбить хунну, казнить Юя и поместить на его место Суйбу. Однако Суйбу шаньюю вскоре заболел и умер. Тогда Ван Ман выдал свою дочь от наложницы замуж за его малолетнего

сына, носившего тот же китайский титул хоуань-гун. Как сообщает глава 94б «Хань шу», неугомонный Ван Ман «хотел во что бы то ни стало послать войска возвести его на престол» [цит. по: Таскин, 1973, с. 63]. В 23 г. малолетнего китайского кандидата на пост шаньюя заодно с Ван Маном убили, династия Хань была восстановлена, и правители Китая прекратили плодить марионеточных шаньюев.

Об этих событиях подробно повествуется в работе Ю. Л. Кроля [2005б, с. 283–296]. Жаль только, что он ограничил свое изложение рамками «Хань шу» и не рассказал о продолжении этой беспрецедентной дипломатической войны. А ведь хунну в долгу не остались: следуя примеру Ван Мана, в обстановке воцарившегося после падения «династии Синь» политического хаоса *шаньюю Юй признал законным императором Китая своего ставленника*, получив дополнительный рычаг влияния на ситуацию в Поднебесной.

В ходе восстания против правления Ван Мана повсюду в Китае объявились многочисленные потомки императоров ханьской династии (принадлежавшей к фамилии Лю). Эти лица, родство которых с правившим домом было, как правило, весьма и весьма отдаленное, претендовали на императорский трон или, на худой конец, на руководящие посты в новой администрации. Судя по сведениям о междоусобных войнах этого периода, никаких принципов престолонаследия никто соблюдать не собирался [об этой гражданской войне см.: Bielenstein, 1986, p. 240–256; Хоу хань шу, 1965, т. 1, с. 1–43]. В 23 г. ряд представителей клана Лю согласился признать новым императором Лю Сюаня (император Гэн-ши), потомка императора Западной Хань Цзин-ди в пятом колене. Верные Гэн-ши войска захватили Чанъань и уничтожили Ван Мана. Но вскоре в Ханьдане один из руководителей военных отрядов Ван Лан объявил себя сыном императора Чэн-ди под именем Лю Цзыю; его признали императором командиры вооруженных отрядов к северу от Хуанхэ. В 24 г. родственник Лю Сюаня Лю Сю сумел вернуть северных командиров под власть Гэн-ши, захватив Ханьдан и убил Лю Цзыю. В это время народ обратил свое внимание на то, что еще жив Жу-цзы-ин (Лю Ин) – последний законный император Западной Хань. Еще в младенческом возрасте, в 6 г. н. э., он был возведен на императорский престол по инициативе Ван Мана, а с 9 г., когда Ван Ман объявил императором себя, был низложен, посажен под домашний арест и вырос в условиях полной изоляции. В 25 г.

заговорщики подняли восстание в Циньяне (нынешняя провинция Ганьсу) и объявили о восстановлении Жу-цзы на престоле. Гэн-ши удалось разгромить мятежников; несчастливый император Жу-цзы был убит. Однако летом 25 г. императором объявил себя потомок Цзин-ди в шестом колене, вышеупомянутый Лю Сю (император Гуан-у, основатель династии Восточная Хань), под контролем которого находился район Хэнэй. С другой стороны, отряды повстанческого движения «краснобровых» нашли своего императора: им был объявлен еще один представитель клана Лю – 15-летний Лю Пэнцзы, потомок западноханьского Лю Чжана, правителя Чэнъяна, откуда было родом большинство восставших. «Краснобровые» захватили столицу Гэнши – Чанъань, Гэн-ши бежал, Чанъань стала столицей императора Пэн-цзы. По получении этого известия Лоян сдался Лю Сю, который объявил его столицей своей династии, получившей впоследствии название Восточной Хань. Вскоре Гэн-ши был убит «краснобровыми».

Таким образом, с 25 г. в Китае оказалось два императора из клана Лю: Гуан-у правил в восточной столице, а Пэн-цзы – в западной. При этом большая часть империи была под властью «полевых командиров», не признававших ни того, ни другого. Сычуань находилась под властью Гунсунь Шу, объявившего себя императором независимого государства Чэнцзя. Земли Восточной Хэнани и севера Цзянсу были под контролем выходца из правящего дома Хань Лю Юна, также претендовавшего, по праву своего происхождения, на императорский престол. Район современного Пекина находился под властью Пэн Чуна, Шаньдун – под властью Чжан Бу, в Восточной Ганьсу действовал Вэй Сяо, а запад Ганьсу и Цинхай управлялись Доу Жуном: последние номинально признали власть Гуан-у.

В уезде Саньшуй округа Аньдин, на самой границе ханьских земель, местные влиятельные лица признали власть некоего повстанца Лу Фана, который считался правнуком императора У-ди по имени Лю Вэньбо и на тот момент по приказу Гэн-ши «усмирял» земли к западу от Аньдина. Жизнеописание Лу Фана включено в главу 12 «Хоу хань шу» [1965, т. 2, с. 505–508; см.: Таскин, 1973, с. 147–148]. Судя по тексту первой главы «Хоу хань шу», Лу Фан «поднялся» в Аньдине в январе 26 г.: тогда же, когда Вэй Сяо, до этого действовавший в Аньдине, подчинил себе соседние земли Лунси (на 12-м месяце 1-го года эры правления Цзянь-у) [Хоу хань шу, 1965, т. 1, с. 25]. Первым дей-

ствием новой администрации уезда Саньшуй, как говорится в жизнеописании Лу Фана, было направление посольства к западным цяням и хунну с предложением о заключении мира на условиях «хэ цинь». Из этого уже следует, что эти люди мыслили себя во главе государства, формально равного по положению хуннской державе, а руководитель самозванной администрации Лу Фан, считавшийся потомком императора, сам должен был видеть себя на императорском троне.

Таким образом, становится очевидным, что предложение о заключении равноправного договора преследовало цель добиться международного признания нового императора – Лю Вэньбо. При этом реальные силы Лу Фана были несопоставимы с мощью империи Хунну, так что переговоры могли вестись только при условии признания покровительства шаньюя. Шаньюй, судя по его реакции, моментально осознал пользу от наличия собственного императора-коллаборациониста. Его послание к аньдинскому руководству гласило: «Первоначально сюнну и [династия] Хань условились быть братьями. Позднее, когда сюнну ослабли, шаньюй Хуханье изъявил покорность [династии] Хань, а [династия] Хань послала войска для его защиты, после этого сюнну из поколения в поколение называли себя вассалами. Ныне, когда [династия] Хань тоже ослабла, род Лю явился ко мне с изъявлением покорности, и я также должен поставить его у власти, чтобы он с почтением служил мне». Далее, без указания точной даты, сообщается, что, дескать, «вскоре» шаньюй послал гоулинь-вана встретить Лу Фана с его братьями. После их прибытия в земли хунну шаньюй «поставил [Лу] Фана императором Хань» [Хоу хань шу, 1965, т. 2, с. 506; цит. по: Таскин, 1973, с. 147]. Здесь же сказано, что младший брат Лу Фана – Чэн – был послан обратно в Аньдин, а сам Лу Фан (Лю Вэньбо) остался в хуннском государстве. Впоследствии Лу Фан в Аньдин уже не возвращался, поскольку его деятельность охватывала более северные территории (см. ниже). То, что Лу Фан ушел из округа Аньдин со своими людьми и более не вернулся, подтверждается еще одним свидетельством. Жизнеописание Лу Фана в составе главы 12 «Хоу хань шу» заканчивается кратким рассказом о судьбе его соратников-варваров: «Ранее находившиеся на государственной службе хусцы, подведомственные округу Аньдин, вместе с [Лу] Фаном стали разбойниками, когда же [Лу] Фан был разбит, хусцы вернулись к родным местам...» [Хоу хань шу, 1965, т. 2, с. 508] (подчеркнуто авт. – А. К.) (В. С. Таскин этот абзац не приводит).

В какой же момент шаньюй пошел на то, чтобы вывезти свою креатуру с территории Китая и тут же признать ее императором? Скорее всего тогда, когда на китайской земле Лу Фан уже не мог чувствовать себя в безопасности. Независимый источник – составленная во II в. хроника «Дунгуан Хань цзи» – сообщает: «Фан родом из Аньдина. Подведомственные хусцы в количестве нескольких тысяч взбунтовались в Саньмань, Фан последовал им, обманом назвался потомком клана Лю, присвоил себе титул Сипин-вана. В это время войска сюннуского гоулинь-вана сумели подчинить саньманьских ху. Фан из-за этого проследовал к сюнну, оставался там несколько лет. Шаньюй, поскольку Срединное государство не было стабильным, стремился помочь поставить на престол [Лу Фана], послал улоуцэвана в Уюань с предложением к самозванному цзяньцзюню Ли и другим о совместном плане [воцарения Лу Фана], а также [с предложением] приехать на север в ставку шаньюя и встретить Фана. Фан вовне зависел от сюнну, внутри [Срединного государства] опирался на других [разбойников], поэтому смог в большом масштабе осуществить захват пограничных округов» [Хоу хань шу, 1965, т. 9, с. 2940, прим. 1]. Водворение Лу Фана в Уюань, как мы видели в «Хоу хань шу», случилось в конце 29 г. Таким образом, Лу Фан жил у хунну до конца 29 г. «несколько лет». Поскольку он поднял мятеж, по данным главы 1 «Хоу хань шу», в начале 26 г., на пребывание у хунну у него было максимум 3,5 года, и чтобы жить там «несколько лет», уйти он должен был, самое позднее, в 27 г. В жизнеописании Вэй Сяо (глава 13 «Хоу хань шу») сказано, что в 26 г. против императора Гуан-у взбунтовался командир Фэн Ань, входивший в подчинение восточноханьского да сыту Дэн Юя; с ним поднялись войска вплоть до округа Тяньшуй. Вэй Сяо разбил Фэн Аня в центре округа Аньдин, в Гаопине (нынешний уездный центр Гуюань), в связи с чем Дэн Юй официально признал Вэй Сяо верховным командующим запада («си чжоу да цзянцзюнь»), поручив ему вести дела областей Лянчжоу и Шофан (т. е. всего северо-запада, включая Аньдин) [Там же, т. 2, с. 522]. Кроме того, здесь же приводится послание императора Гуан-у от следующего, третьего года эры правления Цзянь-у (27 г.), в котором говорится, что полководцы Восточной Хань «на юге достигли войск Гунсунь [Шу], на севере противостояли мятежам цянов и ху» [Там же, с. 523]. Так что вполне возможно, что уже в 26 г. весь округ Аньдин

оказался в руках Вэй Сяо, под формальной юрисдикцией восточноханьской династии, что и привело к тому, что шаньюй под вооруженной охраной вывез Лу Фана на территорию хунну, одновременно признав его императором Китая. Случиться это должно было не позднее 27 г.

Тем временем, весной 27 г., были умиротворены остатки движения «краснобровых», провозглашенный ими император Лю Пэнцзы отказался от императорской печати и вошел в свиту императора Гуан-у. Тогда-то шаньюй, учитывая, что северные и западные окраины империи управляются не восточноханьскими чиновниками, а фактически независимыми полевыми командирами, решает выпустить на сцену своего императора. В 28 г. проходят переговоры хунну с мятежниками, контролировавшими земли к северу от излучины Хуанхэ. Им было предложено признать Лу Фана (Лю Вэньбо) императором и заключить мирный договор «хэ цинь». После получения согласия от этих командиров в конце 29 – начале 30 г. Лю Вэньбо был препровожден в Уюань и объявлен там (вторично!) императором Китая. Сообщение об этом в главе 1 «Хоу хань шу» гласит: «На 12-м месяце [5 г. эры правления Цзянь-у] Лу Фан объявил себя Сыном неба в Цзююани» [Там же, т. 1, с. 40]. Под властью новоявленного императора оказались земли центральной части нынешней Внутренней Монголии: западноханьские округа Шофан, Уюань, Юньчжун, Динсян, Яньмэнь.

Необходимо отметить, что в этот момент ни у кого не было сомнений, что Лю Вэньбо (Лу Фан) является представителем клана Лю, и в силу рождения имеет такие же права, как и все остальные вышеописанные императоры, включая самого Гуан-у-ди (Лю Сю). Конечно, Фань Е в тексте официальной истории Поздней Хань повсюду называет этого человека Лу Фаном и подчеркивает его самозванство. Однако это поздняя рефлексия: ведь в «Хоу хань шу» включены буквальные записи изречений того периода, где Лу Фан назван именно своим «императорским» именем. «Жизнеописание Вэй Сяо» (глава 13 «Хоу хань шу») повествует о том, что еще в 29 г. Вэй Сяо не выполнил указание императора Гуан-у выдвинуться в Шу и ударить по «империи» Чэнцзя, сославшись на то, что его границам угрожает «Лю Вэньбо» [Хоу хань шу, 1965, т. 2, с. 524]. В 30 г. военачальник Вэй Сяо Ван Юань, обращаясь к своему главнокомандующему, желая показать сложность политической обстановки, говорит: «...Сегодня на юге Цзы Ян (Гунсунь Шу. – А. К.), на севере – Вэньбо...» [Там же,

с. 525]. В жизнеописание Доу Жуна (глава 23 «Хоу хань шу») включен текст его письма Вэй Сяо, написанного в 29–31 гг.; Доу Жун рассуждает: «...[если] на юге не объединиться с Цзы Яном, то на севере вторгнется Вэньбо...» [Хоу хань шу, 1965, т. 3, с. 801].

Самозванство Лу Фана раскрылось, видимо, только в 40-м г. К этому времени императору Гуан-у удалось объединить почти весь тогдашний Китай. Сюнну решили признать восстановленную династию и «приказали [Лу] Фану вернуться на родину и изъявить покорность Хань, рассчитывая получить за это награду» [Там же, т. 9, с. 2940; цит. по: Таскин, 1973, с. 69]. Вернувшись в Китай, Лу Фан представил императору доклад, в котором говорилось: «...я, Ваш слуга, не преследовал никаких корыстных целей, а хотел лишь принести жертвы в храме предков и возродить страну, поэтому я ненадолго присвоил себе титул императора и более десяти лет занимал престол, совершив преступление, за которое меня следовало бы казнить десять тысяч раз» [Там же, 1965, т. 2, с. 507; с. 148]. Он назвал свое настоящее имя и отдал яшмовую печать «сына неба». Хотя император Гуан-у сделал Лу Фана ваном удельного царства Дай, Лу Фан не смог остаться верен Хань и, подняв мятеж, вновь обратился к хунну. «Сюнну выслали за [Лу] Фаном, его женой и детьми несколько сот всадников, под прикрытием которых он выехал за укрепленную линию. [Лу] Фан пробыл среди сюнну свыше десяти лет, а затем заболел и умер» [Там же, с. 508; цит. по: Таскин, 1973, с. 148].

Итак, на политической арене Китая в период мятежей и множества императоров, все из которых (кроме несчастного Жу-цзы) были самозванцами, появился единственный «сын неба», получивший международное признание – это был Лю Вэньбо (Лу Фан). Никто в этот период не сомневался, что он принадлежит к императорскому клану Лю. Шаньюй признал его императором Китая примерно в 27 г.; в январе 30 г. он принял императорский титул на территории Срединной империи – в округе Уюань – и правил до 40-го г. На территории державы Хунну Лу Фан пребывал в качестве императора Китая в пределах 27–29 гг. После того как хунну признали легитимным правителем Китая основателя династии Восточная Хань Гуан-у-ди, Лу Фан ушел к хунну и более 10 лет жил среди них (примерно с 41 по начало 50-х гг.), но уже лишившись императорского титула. Именно с пребыванием Лу Фана среди хунну в 27–29 гг., когда он был признан ими импера-

тором Китая, следует связывать строительство Ташебинского дворца, черепичные диски которого содержат из ряда вон выходящее указание на принадлежность строения «сыну неба». Кратковременность этого пребывания объясняет отсутствие сколько-нибудь значительно культурного слоя, относящегося к периоду функционирования дворца. Не исключено, что Лу Фан, его родственники и соратники после окончательного бегства к хунну вновь поселились в Хакасии. Этим можно объяснить появление на Среднем Енисее в то время традиций сырцово-архитектуры, ирригации, свиноводства, на что обращает внимание Э. Б. Вадецкая [1999, с. 190–192]. Однако использование Лу Фаном императорской резиденции, согласно принципам дипломатии, в этот период должно было быть исключено.

Литература

- Быков А. А.** Монеты Китая. – Л., 1969. – 78 с.
- Вадецкая Э. Б.** Таштыкская культура // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматский период. – Ч. II. – М.: Наука, 1992.
- Вадецкая Э. Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1999. – 440 с.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В.** «Дворец Ли Лина», или Конец одной легенды // Советская этнография. – 1976. – № 3. – С. 137–149.
- Васильев Л. С.** Культы, религии, традиции в Китае. – 2-е изд. – М.: Вост. лит., 2001. – 488 с.
- Гранэ М.** Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы. – М., 2008. – 526 с.
- Данилов С. В.** Города в кочевых сообществах Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 202 с.
- Древнекитайская философия. Эпоха Хань / Сост. Ян Хиншун.** – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1990. – 523 с.
- Евтюхова Л. А., Левашева В. П.** Раскопки китайского дома близ Абакана // КСИИМК. – 1946. – Вып. XII. – С. 72–83.
- Киселев С. В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. – 642 с.
- Кобзев А. И.** Учение о символах и числах в китайской классической философии. – М., 1993. – 432 с.
- Ковалев А. А.** Китайский император на Енисее? Еще раз о хозяине Ташебинского дворца // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования: сб. науч. тр. / Под ред. А. В. Харинского. – Иркутск; Эдмонтон: Изд-во ИрГТУ, 2007. – С. 145–148.

Крадин Н. Н. Империя хунну. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2002. – 302 с.

Кроль Ю. Л. Географический трактат «Истории Хань». Исследование // Страны и народы Востока. – Вып. XXXII: Дальний Восток. Кн. 4: Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. – Ч. I. – М.: Вост. лит., 2005а. – С. 7–54.

Кроль Ю. Л. Отношения империи и сюнну глазами Бань Гу // Страны и народы Востока. – Вып. XXXII: Дальний Восток. Кн. 4: Проблемы географии и внешней политики в «Истории Хань» Бань Гу: исследования и переводы. – Ч. II. – М.: Вост. лит., 2005б. – С. 126–361.

Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1983. – 415 с.

Кызласов Л. Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. – М.: Вост. лит., 2001. – 176 с.: ил.

Кызласов Л. Р. Городская цивилизация Средней и Северной Азии: исторические и археологические исследования. – М.: Вост. лит., 2006. – 360 с.: ил.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). – Т. VI / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина. – М.: Вост. лит., 1992. – 483 с.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1968. – 177 с.

Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – Вып. 2. – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит., 1973. – 170 с.

Bielenstein H. Wang Mang, the Restoration of the Han Dynasty, and Later Han // The Cambridge History of China: Vol. I: the Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220 / Ed. by D. Twitchett and M. Loewe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – P. 223–290.

Forke A. Die Inschriftenziegel aus der Ch'in- und Han-Zeit // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Königlichen Friedrichs-Wilhelms-Universität zu Berlin. – 1899. – Vol. II. – Sect. 1. – S. 59–101, 14 Pl.

Haenisch E. Die Heiligung des Vater- und Fürstennames in China, ihre ethische Begründung und ihre Bedeutung in Leben und Schrifttum // Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften. Philologische-historische Klasse. – 1932. – B. 84. – Heft 4. – S. 1–20.

Karlgren B. Early Chinese Mirror Inscriptions // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. – 1934. – Vol. 6. – P. 9–74.

Liao W. K. The complete works of Han Fei tzu: a classic of Chinese political science // Translated from the Chinese with introd. and notes by W. K. Liao. London: Arthur Probsthain, 1939, 1959; Vol. I (1939). – 310 p.; Vol. II (1959). – 315 p. (Probsthain's oriental series, vol. 25–26).

Scheidel W. The Monetary Systems of the Han and Roman Empires // Rome and China: comparative perspectives on ancient world empires / Ed. by Walter Scheidel. – New York: Oxford University Press, 2009 (Oxford studies in early empires).

The History of the Former Han Dynasty by Pan Ku. A critical translation, with annotations, by Homer H. Dubs, with the collaboration of P'an Lo-chi. Translation, vol. 3. Imperial annals 11 and 12 and the memoir of Wang Mang. – Baltimore: Waverly Press, 1955. – xiv, 562 p.

Ань Чжиминь. Юань-син юань нянь вадан бучжэн (Дополнения о черепичном диске начального года эры правления юань-син) // Каогу. – 1959. – № 11. – С. 626–628.

Баотоу ши вэньу гуанлисо. Баотоу цзяоцзо Чжаовань Хань му цинли цзянбао (эр) (Управление культурного наследия города Баотоу. Упорядоченное краткое сообщение о ханских могилах в Чжаовань, в пригороде Баотоу (часть вторая) // Баотоу вэньу цзыляо. – 1981. – Вып. 1. – С. 61–73.

Ван Пэйлян. Цинь Хань вадан ту лунь (Суждения о рисунках на черепичных дисках [эпох] Цинь и Хань). – Сиань: Сань цинь чубаньшэ, 2004. – 324 с.: ил.

Ван Пэйсинь. Лэлан вэньхуа: и муцзан вэй чжунсинь дэ каогусюэ яньцзю (Культура Лэлан: археологическое исследование, в основу которого положено изучение могильных сооружений). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2007. – 175 с.

Ван Шичан. Шэньси гудай чжуань ва тудянь (Свод изображений древней глиняной черепицы провинции Шэньси). – Сиань: Сань Цинь чубаньшэ, 2004. – 452 с.

Гэ Шаньлинь. Нэймэнгу И мэн Чжунгээр ци Шицзывань чэн дяоча (Обследование крепости Шицзывань в аймаке (знамени) Чжунгээр сейма И[кэчжао]) // Каогу. – 1965. – № 8. – С. 424–425.

Гэ Шаньлинь, Гэ Чжицзе. Юаньцзю дэ сюнну (Сюнну, далеко ушедшие [от нас]). – Хух-Хото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 2007. – 207 с.: ил.

Гу хань ю да цыдянь (Большой словарь древнего китайского языка). – Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2001. – 2613 с.

Ду Вэйшань. Бань лян као (Исследование [монет] «бань-лян»). – Т. 1–2. – Шанхай: Шанхай шухуа чубаньшэ, 2000. – 423 с.

Дуань Ляньцин. Динлин, гаочэ ю теле (Динлины, гаочэ и теле). – Гуйлинь: Гуанси шифан дасюэ чубаньшэ, 2006. – 447 с. («Чжунго гудай бэйфан миньцзю ши цуншу» – Книжная серия по истории древних северных народов Китая.)

Ли Сюэце. Дун Хань чжэнцзю дили (Административная география Восточной Хань). – Цзинань: Шаньдун цзяоу чубаньшэ, 1999. – 376 с.

Линь Суцин. Лян Хань цзин мин цзилу (Каталог надписей на зеркалах обеих [династий] Хань) // Гу вэньцзы сюэ луньвэнь цзи (Сборник статей по изучению древних письмен). – Тайбэй, 1999 [http://www.jdgis.org/html_page_2_show.asp?id=1869&type1=14&type2=23].

Лу Сысянь. «Шаньюй тянь цзян» вадан вэнь ши (Объяснение смысла надписи на черепичных дисках «шаньюй тянь цзян») // Баотоу вэньу цзыляо. – 1982. – Вып. 2.

Лу Яогуан. Тяньцзюнь Эрландун гу ичжи дяоча каолюэ (Исследовательский обзор разведки на руинах поселения Эрландун [в уезде] Тяньцзюнь) // Цинхай вэньу. – 1996. – № 10.

Лю Цинчжу. Чжаньго Цинь Хань вадан яньцзю (Исследование черепичных дисков с эпох Чжаньго, Цинь и Хань) // Лю Цинчжу. Гудай дучэн ю дилин каогу яньцзю (Археологические исследования древних столичных городов и императорских гробниц). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000а.

Лю Цинчжу. Цинь вадан гайлунь (Краткий очерк о циньских черепичных дисках) // Лю Цинчжу. Гудай дучэн ю дилин каогу яньцзю (Археологические исследования древних столичных городов и императорских гробниц). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000б.

Лю Цинчжу. Хань дай вэньцзы вадан гай лунь (Обобщенное рассуждение о черепичных дисках с надписями эпохи Хань) // Лю Цинчжу. Гудай дучэн ю дилин каогу яньцзю (Археологические исследования древних столичных городов и императорских гробниц). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000в.

Нэймэнгу ювэнь лиши яньцзюсо. Шицзывань Бэй Вэй гу чэн дэ фанвэй, вэньхуа ицунь цзи цита (Институт истории языка Внутренней Монголии. Топография древней крепости государства Северное Вэй в Шицзывань, [найденные здесь] памятники культуры, а также все остальное) // Вэньу. – 1980. – № 8. – С. 55–61, 96.

Пань Лин. Ивоэрцзя чэнчжи хэ муди цзисянгуань сюнну каогу вэньти яньцзю (Иволгинские городище и могильник, а также исследование связанных [с ними] вопросов археологии сюнну). – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2007. – 219 с.

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Бэйфан вэньхуа ю сюнну вэньмин (Культуры северных территорий и цивилизация сюнну). – Нанкин: Фэнхуан чубаньшэ, 2004. – 539 с.: ил.

Фу Цзяи. Чжунго вадан ишу (Искусство черепичных дисков Китая). – Шанхай: Шанхай шуцзю чубаньшэ, 2002. – Т. 1–2. – 966 с.: ил.

Хань Фэй-цзы цзи ши (Хань Фэй-цзы [с собранием комментариев] «цзи ши»). – Т. 1–2. – Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1974. – 1151 с.

Хань шу (Книга [о династии] Хань) / Авт. Бань Гу; коммент. Янь Шигу. – Т. 1–12. – Изд. 10-е. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1997. – 4273 с.

Хоу хань шу (Книга [о династии] Поздняя Хань) / Авт. Фань Е; коммент. Ли Сянь и др. – Т. 1–12. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй чубаньшэ, 1965. – 3684 с.

Хэ Линь. Гуанью «шаньюй хэцинь» ва (Касательно черепицы [с надписью] «шаньюй хэцинь») // Баотоу вэньу цзыляо. – 1981. – Вып. 1. – С. 74–78.

Чжоу Лянькуань. Сули Нань Сиболия со фасянь дэ чжунго ши гундянь ичжи (Руины дворца китайского типа, обнаруженные в Советской Южной Сибири) // Каогу сюэбао. – 1956. – № 4.

Чжунго цянби да цыдянь: Цинь Хань бянь (Большой словарь монет Китая: раздел эпох Цинь-Хань) // Чжунго цянби да цыдянь бяньцзуань вэйюаньхуэй бянь (Составлен Комитетом по составлению большого словаря монет Китая). – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1998. – 760 с.

Чжунго цянби да цыдянь. Вэй Цзинь Нань-бэй чао Суй бянь. Тан У дай ши го бянь (Большой словарь монет Китая. Раздел эпох Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий, Суй. Раздел эпох Тан, Пяти династий и десяти государств) / Чжунго цянби да цыдянь бяньцзуань вэйюаньхуэй бянь (Составлен Комитетом по составлению большого словаря монет Китая). – Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2003. – 779 с.

Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, Хэбэй шэн вэньу яньцзюсо Ечэн каогу гунцзо янь. Хэбэй Линьчжан Е бэй чэн ичжи каньтань фацзюэ цзяньбао (Ечэнская археологическая экспедиция Института археологии Академии общественных наук Китая и Института культурного наследия провинции Хэбэй. Краткое сообщение об изыскательских раскопках на Северном городище Е в Линьчжан, Хэбэй) // Каогу. – 1990. – № 7. – С. 595–600.

Чжунго шэхуй кэсюэюань каогу яньцзюсо, Хэбэй шэн вэньу яньцзюсо Ечэн каогу гунцзо янь. Хэбэй Линьчжан сянь Е нань чэн ичжи каньтань ю фацзюэ (Ечэнская археологическая экспедиция Института археологии Академии общественных наук Китая и Института культурного наследия провинции Хэбэй. Изыскания и раскопки на Южном городище Е в уезде Линьчжан, Хэбэй) // Каогу. – 1997. – № 3. – С. 27–32.

Чэ Жигэ. Цянтянь Баотоу чуту дэ Хань дай вадан (Поверхностно говоря о раскопанных в Баотоу черепичных дисках эпохи Хань) // Нэймэнгу вэньу каогу. – 2000. – № 1 (22). – С. 173–176, 179.

Чэнь Чжи. Цинь Хань вадан гай шу (Общее обозрение черепичных дисков периодов Цинь и Хань) // Вэньу. – 1963. – № 3. – С. 19–43.

Ши цзи (Записи историка) / Авт. Сыма Цянь; коммент. Пэй Инь, Сыма Чжэн, Чжан Шоуцзэ. – Изд. 14-е. – Т. 1–10. – Пекин: Чжунхуа шуцзюй. – 1996. – 3322 с.: прил.

Шэнь Юньянь. Чжунго гудай вадан яньцзю (Исследование черепичных дисков Древнего Китая) – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2006. – 340 с.

Шэньси шэн каогу яньцзюсо Баоцзи гунцзо чжань, Баоцзи ши каогу гунцзо янь. Шэньси Мэйсянь Чансин му фацзюэ баогао (Баоцзиская рабочая

станция Института археологии провинции Шэньси. Археологическая экспедиция города Баоцзи. Отчет о раскопках ханьских могил в Чансин уезда Мэйсянь провинции Шэньси) // Каогу ю вэнь. – 1989. – № 1. – С. 3–32.

Ян Цун. Чунъянь Хань чэн чуту вадан дэ яньцзю (Исследование черепичных дисков, раскопанные в ханьской крепости в Чунъянь) // Вэнь. – 1992. – № 8. – С. 35–40.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ХУННУ

*П. Б. Коновалов
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
Бурятский госуниверситет
Улан-Удэ*

Одной из нерешенных проблем изучения хунну является их этногенез. Интерес к нему никогда не затухал, и в последнее время он вновь овладел вниманием многих ученых. Заметим, что тема эта раньше затрагивалась в публикациях разных исследователей под следующими характерными заголовками: «Происхождение сюнну: современное состояние проблемы» [Миняев, 1987]; «Некоторые аналогии погребениям в могильнике у дер. Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры» [Полосьмак, 1990]; «Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождения сюннуской культуры» [Варенов, 1995]; «Происхождение и ранняя история хунну» [Коновалов, 1996]; «Происхождение хунну» [Ковалев, 2002] и др. Однако хоча обратить внимание на то, что материал, который рассматривался в этих работах, отражал на самом деле лишь часть проблемы происхождения, или этногенеза, хунну. Авторами рассматривались только погребальные памятники Северного Китая на пространстве от Ордоса до Южной Маньчжурии периода до образования державы Хунну в сопоставлении с хуннскими памятниками Центральной Азии периода великодержавия. Причем в трактовке сходства и различий сопоставляемых памятников у названных авторов выявились разногласия относительно прародины хунну и их культурогенеза. В настоящей ста-

тье автор как участник этой дискуссии намерен вернуться к обозначенной проблеме, но с той оговоркой, что постановка цели в ней ограничивается рамками или, вернее сказать, уточняется ровно так, как сформулирована в заголовке его статьи, ибо решение задачи этно- и культурогенеза в целом потребовало бы более широкого и многопланового подхода.

Среди российских исследователей, занимавшихся выявлением протосюннуской культуры, следует назвать Л. Н. Гумилева, из современных – С. С. Миняева, А. В. Варенова, С. А. Комиссарова, Н. В. Полосьмак, Ю. А. Заднепровского, С. В. Алкина. В этом направлении проводил свой поиск и автор. Следует заметить, что поиски современных российских авторов опираются на труды и публикации китайских археологов, таких, как Тянь Гуаньцзинь, У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, Тянь Цзынмин, Го Сусинь, Цзинь Фэньи и др. Потому будет уместно обратиться сначала к результатам исследований этих ученых и проанализировать их взгляды.

Тянь Гуаньцзинь [1983, с. 19] предложил расширить хронологические рамки культуры сюнну, отнеся археологические материалы с территории Китая доханьского времени к культуре ранних сюнну эпохи до создания державы Модэ. Это, по его мнению, так называемая «ордосская бронзовая культура» (или «культура ордосских бронз»), которая складывается приблизительно с XIII в. до н. э. и достигает своего расцвета в XII–VI вв. до н. э., в эпоху Чжоу. Он полагает, что названная культура соответствует районам обитания племен гуйфан (эпохи Шан), сяньюнь (эпохи Западной Чжоу) и ди (эпохи Чуньцю), являющихся одними и теми же этносами – предками сюнну. Классические образцы ордосских бронз – оружие и украшения в зверином стиле – он рассматривает в качестве характерных произведений сюннуского искусства. «Ключевым пунктом сюннуской археологии» считает он и погребения из Таохунбала, Маоцингоу, Хулусьгата, Юйлунтая, Алучжайдэна, Сигоупаня, Сюэцзигоу и других мест Автономного района Внутренняя Монголия и прилегающих провинций КНР.

* Сюнну – одно из разночтений китайского иероглифического написания этнонимов: хунну/сюнну, хуньюй/сюньюй, хяньюнь/сяньюнь и т. д. В русскоязычной литературе одинаково используются и тот, и другой вариант.

УДК 930.26
ББК 63.4
X 98

Рецензенты

д-р ист. наук Д. Д. Нимаев
д-р ист. наук, проф. Д. Тумэн
д-р ист. наук, проф. Д. И. Бураев

Редколлегия

д-р ист. наук С. В. Данилов
д-р ист. наук, проф. П. Б. Коновалов (отв. редактор)

X 98 ХУННУ: АРХЕОЛОГИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 222 с.

ISBN 978-5-7925-0301-4

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей посвящен археологии древнего центральноазиатского народа хунну (сюнну), или гуннов, как их принято называть в европейской историографии. История хунну, известная по письменным источникам древнекитайских исторических сочинений, существенно дополняется археологическими материалами. В связи с этим большое, если не решающее, значение приобретают археологические источники, позволяющие изучить во всем богатстве и разнообразии материальную и духовную культуру, хозяйственно-экономическую основу, социально-демографическую структуру общества, территориальное распространение, влияние и роль хунну в историко-культурном процессе в ЦА и ЮС на рубеже древности и раннего средневековья. Специальная статья посвящена проблеме культурогенеза хунну на основе исследования происхождения и формирования погребального комплекса. Сборник включает статьи археологов России и Монголии, работающих в широком хронологическом диапазоне и на обширном географическом пространстве.

Книга предназначена для научных исследователей – историков, археологов, этнологов, антропологов и всех, кто интересуется историей и культурой кочевых народов Евразии.

Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», направление «Археологические древности России», проект: «Хунну: происхождение культуры, этническая история, политогенез».

УДК 930.26
ББК 63.4

© ИМБТ СО РАН, 2011
© Коллектив авторов, 2011
© Издательство БНЦ СО РАН, 2011

ISBN 978-5-7925-0301-4

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ХУННУ

А. И. Бураев
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ

Хунну (сюнну, гунны) – широко известный как среди историков, так и среди людей, далеких от исторических изысканий, народ, создавший первую кочевую империю, оказавшую влияние на всю евразийскую цивилизацию своего времени. Имена Модэ и Аттилы по достоинству заняли место в ряду наиболее ярких исторических деятелей всех времен. Археологические памятники хунну, особенно курганы могильников Ноин Уула, Гол Мод в Монголии, Царам и Ильмова падь в Бурятии, производят неизгладимое впечатление своей грандиозностью и полученными в ходе раскопок материалами. Отсюда – устойчивый многолетний интерес специалистов к хуннской проблематике.

История хунну достаточно полно освещена в работах зарубежных и отечественных исследователей. Историография хунну начинается в XVIII в. с работ французских ученых Ж. Дегиня, Вивьен де Сен-Мартена и др. [Гумилев, 2004, с. 9–10]. Основоположником отечественной хуннологии является Н. Я. Бичурин, фундаментальная работа которого стимулировала не одно поколение востоковедов в широком смысле этого понятия [1950; 1953]. Вышеперечисленные авторы, как и их многочисленные последователи, изучали историю хунну по древнекитайским письменным источникам. Среди когорты исследователей необходимо упомянуть имена де Грота, Г. Е. Грумм-Гржимайло, К. А. Иностранцева, Л. Н. Гумилева, В. С. Таскина, Н. Н. Крадина и др.

Материальную культуру хунну в конце XIX в. впервые исследовал Ю. Д. Талько-Грынцевич [1898]. Археологическую составляющую хунноведения существенно дополнили и развили П. К. Козлов, А. В. Давыдова, Х. Пэрлээ, Ц. Доржсурэн, В. В. Волков, П. Б. Коновалов, С. В. Данилов, А. В. Ковалев и др.